

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS
ALUSTATUD 1893. a.   VIHK 680   ВЫПУСК   ОСНОВАНЫ в 1893 г.

А. БЛОК И ЕГО ОКРУЖЕНИЕ

БЛОКОВСКИЙ СБОРНИК VI

Тарту 1985

РАННИЙ БРЮСОВ О ПОЭЗИИ И ФИЛОСОФИИ
ВЛ. СОЛОВЬЕВА

С. К. Кульюс

Основные «связи» Вл. Соловьева с русским символизмом в его мистико-утопической разновидности были практически по-смертными и в значительной мере изучены в связи с творчеством Блока, А. Белого и других «соловьевцев». На этом фоне полная непроясненность координации основного корпуса философских и теологических идей Вл. Соловьева с философско-эстетической программой и практикой «старших» символистов очевидна.

Тема «Брюсов и Вл. Соловьев» как частный аспект этой: общей неразработанной проблемы никогда не становилась объектом специального изучения. Сочетание имен Брюсова и Соловьева обычно вызывает у исследователей единственную и вполне оправданную опубликованными материалами ассоциацию с блестящими пародиями и критическими отзывами Вл. Соловьева на сборники «Русские символисты»¹ и статьей Брюсова «Поэзия Владимира Соловьева».² Между тем «взаимоотношения» этих двух так никогда в жизни лично не столкнувшихся современников далеко выходят за рамки устоявшейся ассоциации. Это особенно тонко почувствовал Блок, который сблизил имена Брюсова и Вл. Соловьева, предпослав своей первой поэтической книге «Стихи о Прекрасной Даме» два эпитафия, один из Вл. Соловьева, второй — из брюсовского стихотворения «Близкой» (1903).³ В сочетании имен Брюсова и Вл. Соловьева для Блока и 1904 г. не было ничего противоестественного, напротив, это было соположением близких и значимых (хотя и не равнознач-

¹ Это характерно не только для отечественного литературоведения. Ср.: Valery Briusov and the rise of Russian symbolism by Martin P. Rice. Ann Arbor: Ardis, (1975), p. 31—35.

² См.: Брюсов В. Поэзия Владимира Соловьева. — Рус. архив, 1900, № 8, с. 546—554; в сб. «Далекое и близкое» (М., 19Г2) вошла переработанная редакция статьи. В собр. соч. публикуется под названием «Владимир Соловьев. Смысл его поэзии». См.: Брюсов В. Собр. соч. М., 1975, т. 6, с. 218—230.

³ Блок А. Собр. соч. М.-Л., 1963, т. 8, с. 571—572.

пых для него) явлений, указанием на двух «учителей».⁴ Мысль о близости поэзии Брюсова к некоторым поэтическим образам и идеям Соловьева Блок подробнее всего развил в т. н. «второй» рецензии на сборник «Urbi et Orbi», откомментировав попытку этого сближения в письме к Брюсову 6 ноября следующим образом: «В той неудачной и бледной рецензии о Вашей книге в «Новом пути» я пытался сблизить Вас с Вл. Соловьевым. Но, кажется, это возможно будет лишь для будущего «историка литературы». Пока же я действовал на основании опыта, испытав по крайней мере более чем литературное «водительство» Ваше и Вл. Соловьева на деле. Параллель моя больше чем любопытна, она — о грядущем».⁵ Вопрос о том, в какой мере утверждения Блока о близости поэзии Брюсова к Соловьеву⁶ имели под собой реальную почву, не являлись ли они результатом субъективного прочтения стихотворений Брюсова поэтом, находящимся под обаянием идей философа, может быть частично решен при анализе особенностей восприятия ранним Брюсовым поэзии и философии Вл. Соловьева.

И личность Вл. Соловьева, и его творчество (и философское, и поэтическое) вызвали значительный интерес Брюсова в течение всей жизни. Зрелый Брюсов чрезвычайно высоко ценил Соловьева-философа и относил его к категории истинных «прозорливцев», «пророков», силой своего провидения предугадывающих будущее развитие мира.⁷ Кроме того, он полагал, что русское «ученичество» по отношению к Европе в области философии преодолено именно благодаря Вл. Соловьеву.⁸ Значимость

⁴ 1904 г. — сложный этап эволюции Блока. Воздействие идей Вл. Соловьева сменилось сложным их переосмыслением и в известном смысле преодолением, при том, что «соловьевское заветное» оставалось по-прежнему дорогим для Блока (см.: Минц З. Г. Блок и русский символизм. — В кн.: Александр Блок. Новые материалы и исследования. М., 1980, кн. 1, с. 98—112). Совмещение имен Брюсова и Соловьева именно в период отхода Блока от «соловьевства» симптоматично: попытки преодолеть замкнутость ранней лирики, наделить лирического героя глубокими психологически и культурно мотивированными свойствами и признаками личности современной эпохи органично приводили Блока к поэзии Брюсова, давшей один из вариантов «земного» в ином, чем у Соловьева, ключе. Однако, называя Брюсова «учителем», «Кормщиком», «путеводной звездой» и испытывая его сильное влияние, Блок раньше своего окружения начинает «выкарабкиваться», по его выражению, «из-под тяжести» стихов Брюсова, уже чувствует в них «перебои» и «много перенятого у самого себя» (см.: Блок А. Собр. соч., т. 8, с. 109—110).

⁵ См.: Блок А. Собр. соч., т. 8, с. 112 (Здесь и ниже выделено Блоком — С. К.).

⁶ Ср. запись: «Брюсов скрывает свое знание о Ней. В этом именно он искренен до чрезвычайности». Блок А. Записные книжки. 1901—1920. М., 1965, 11 с. 65), а также высказывание: «Отношение Брюсова к Вл. Соловьеву — *положительное*, а Мережковского — вполне отрицательное» (Блок А. Собр. соч., т. 8, с. 95).

⁷ РО ГПБ, ф. 105, оп. 1, ед. хр. 7, л. 4.

⁸ Брюсов В. Наше будущее. — В кн.: Брюсовские чтения 1962 года. Ереван, 1963, с. 363.

Вл. Соловьева в жизни Брюсова подчеркнута и «бытовой» деталью: в его кабинете на 1-ой Мещанской наряду с портретами любимых поэтов (Пушкина, Тютчева и Верхарна) висел и портрет Вл. Соловьева.⁹ Соловьев постоянно незримо присутствовал в жизни молодого Брюсова. Брюсов учился у знаменитого Л. И. Поливанова, которого высоко ценил Соловьев и с выпускниками гимназии которого он был связан. В университетские годы он прослушал ведущие курсы по истории философии у близкого друга Вл. Соловьева, проф. Л. М. Лопатина, занимался в семинаре по психологии у соловьевского единомышленника Н. Я. Грота. В 1899—1902 гг. на «пятницах» Случевского Брюсов встречался с сестрой философа, поэтессой П. С. Соловьевой — Allegro,¹⁰ а в сентябре 1901 г. познакомился с М. С. Соловьевым, который в знак благодарности за статью о Вл. Соловьеве подарил Брюсову философские труды брата.¹¹ В начале XX в. Брюсов оказался тесно связанным с племянником Вл. Соловьева, С. Соловьевым, и всем кругом «аргонавтов» и на некоторое время соприкоснулся с «аргонавтической» мифологией и соловьевским культом в кружке. С самим же Вл. Соловьевым, по свидетельству Брюсова, ему довелось «встретиться» лишь в день похорон философа. В дневнике Брюсова читаем: «Умер Вл. Соловьев. Так суждено мне было встретиться с критиком моих стихов. «Но он бы вас соблазнил», сказал мне Бартенева. Я поцеловал в руку своего случайного врага и ценимого мной поэта и мыслителя».¹²

Не только в 1890-е гг., но и позднее Брюсов был склонен считать себя во многом обязанным Соловьеву. Он вспоминал, в частности: «Посыпались десятки, а, может быть, сотни рецензий, заметок, пародий, и, наконец, их высмеял Вл. Соловьев, тем самым сделавший маленьких начинающих поэтов, и прежде Всего

⁹ Ильинский А. А. Заметки о В. Я. Брюсове. — В кн.: Брюсовские чтения 1963 года. Ереван, 1964, с. 523. Ср. наличие портрета Соловьева в квартире Л. Н. Вилькиной — РО ИРЛИ, ф. 39/833, л. 20.

¹⁰ См. хотя бы: РО ГПБ, ф. 703, ед. хр. 2, Альбом кружка литераторов «Пятницы К. К. Случевского», л. 87. К поэзии П. Соловьевой Брюсов относился несколько иронически. В 1905 г. он отозвался о ней так: «Сам же я считаю стихи милой Поликсены Сергеевны невинным (хотя и не совсем неприязнительным) вздором», — РО ИРЛИ, ф. 39/833, л. 72.

¹¹ Брюсов В. Дневники. 1891—1910. М., 1927, с. 106.

Брюсов В. Дневники, с. 89—90. В январе 1903 г. Брюсов принял участие и в других похоронах: внезапно умершего от воспаления легких М. С. Соловьева и покончившей собой случившегося О. М. Соловьевой (см.: <Б. п.>. Похороны М. С. и О. М. Соловьевых. — Рус. листок, 1903, № 19, 19 января, с. 2).

меня, известными широким кругам читателей».¹³ Как известно, поэтика «намеков», декларированная в сборниках «Русские символисты», была встречена в лучшем случае иронически, в худшем — откровенно издевательски. Заметное место среди рецензий занимали отзывы Соловьева, отношение которого к декадентству в целом было негативным: в явлении культа индивидуализма и связанного с ним субъективизма Соловьев видел «болезнь» времени, утверждение абсолюта «я» расценивалось им как отвлечение от нравственных начал и искажение истинного соотношения единичного (личности) и целого. Но в отношении Соловьева к различным явлениям декадентства тем не менее существовала определенная дифференциация. Если в его отклике на манифест Н. Минского «При свете совести» (1890), можно обнаружить следы серьезной полемики (хотя Соловьев и охарактеризовал трактат как «диалектическую абракадабру»¹⁴), то отношение к брюсовским сборникам приняло лишь форму пародии и высмеивания приемов поэтики «намеков».¹⁵ Брюсов был восхищен остроумными пародиями Соловьева, уловившими наиболее уязвимые места декларируемой поэтики, но и «задет» ими.¹⁶

В сознание Брюсова Соловьев вошел, однако, значительно раньше эпизода с «Русскими символистами», и не как критик, а как поэт: в записных тетрадах за 1889—1892 гг. встречаются записи стихотворений «Ex oriente lux»,¹⁷ «Неопалимая купина», «Потому ль, что сердцу надо...», «Зачем слова? В безбрежности лазурной» ... и др.¹⁸

К середине 1890-х гг. относятся и первые попытки осмысления поэзии Соловьева, приобретающие особый смысл в свете задуманного исследования «История русской лирики». При всей глобальности замысла,¹⁹ одна из ее основных целей имела достаточно «партийный» характер: предполагалось пересмотреть оценки предшествующей и современной русской поэзии, «проследить развитие форм в области лирики», показать, «как посте-

¹³ В. Брюсов. Автобиография. — В кн.: Русская литература XX века. 1890—1910, т. 1 / Под ред. С. А. Венгерова. М., 1914, с. 109. Ср.: «...очень большую ошибку сделал критик г. Вл. Соловьев, который в серьезном журнале обратил внимание на этих шалунов» (Арсений Г. <Гурлянд>. Московские декаденты. — Новости дня, 1895, 5 сент., № 4396, с. 3).

¹⁴ Соловьев Вл. С. Собр. соч. СПб., <б.г.>, т. 6, с. 246.

¹⁵ См.: Минц З. Г. К генезису комического у Блока (Вл. Соловьев и А. Блок). — Учен. зап. ТГУ, вып. 266. Тарту, 1961, с. 151—152.

¹⁶ Интересно, что отец Брюсова, узвлекенный пародиями философа, вступил с ним в переписку (Брюсов А. Я. Литературные воспоминания. — Север, 1965, № 4, с. 129). Следов переписки обнаружить не удалось.

¹⁷ РО ГБЛ, ф. 386, к. 4, ед. хр. 1, л. 65—65 об.

¹⁸ РО ГБЛ, ф. 386, к. 4, ед. хр. 3, л. 30—31, 41 и 52.

¹⁹ См.: Гиндин С. Неосуществленный замысел Брюсова. — Вопр. лит., 1970, № 9, с. 189—203.

пенно русская поэзия понимала великую тайну *символизма*»,²⁰ и установить, таким образом, генезис «новой поэзии». Пометы Брюсова «РП 95», «К 95 г.», сопровождающие наброски статьи о поэзии Соловьева, свидетельствуют, что она предназначалась для сборника «Русская поэзия в 1895 году. Наблюдения и мысли», который в свою очередь являлся составной частью раздела «Новейшая лирика» — последнего в «Истории русской лирики».

Первые наброски статьи под названием «Влад<имир> Соловьев», датированные 19 августа 1895 г., имели беглый и черновой характер, но они уже позволяют судить о наиболее важных идеях, которым предстояло стать основой статьи. Оценка поэзии Вл. Соловьева первоначально шла по линии сопоставления ее с поэзией Фета. Сходство авторов виделось прежде всего в «удовлетворенности» традиционными размерами, простотой строфики, отсутствием поэтического эксперимента и стремления к разнообразию формальных решений.²¹

Большинство сопоставлений, на первый взгляд, оказывается не в пользу Соловьева: «Стих невозможный по фактуре», «Его поэзия <...> соверш<енно> не пластична, «Исторические стихотворения <...> остроумны, но это не поэзия!»,²² «Стих легок, но зачастую небрежен»,²³ «Фет умел соединить пластичность с точ<ным> настроени<ем> <построением?> — Со<ло>вьеву это недо<ступно>».²⁴ Указание на недостатки поэзии Соловьева и обычная для набросков маркировка его поэзии как «фетовской», «ученической» в последующем сменяется указанием на более существенные различия между поэзией Вл. Соловьева и Фета, на те ее достоинства, которые не только дают ей «raison d'être», но и преимущества перед поэзией Фета. Так, Брюсов выделяет ряд стихотворений Соловьева «L'onda dal mar' divisa», «Вся в лазури сегодня явилась...», «Зачем слова. В безбрежности лазурной...», обладающих особой глубиной и далекими от «подделки под Фета». Особая их оригинальность и уникальность, по Брюсову, достигается органическим соединением философии и поэзии, их равновесием, гармонией.²⁵ В более позднем варианте статьи «Владимир Соловьев. (Мозаика)» (декабрь

²⁰ РО ГБЛ, ф. 386, к. 16, ед. хр. 41, л. 5—5 об. <Выделено Брюсовым — С. К.>

²¹ РО ГБЛ, ф. 386, к. 2, ед. хр. 22, л. 35—36 об. Брюсов пользовался двумя первыми изданиями «Стихотворений Владимира Соловьева» (М., 1891 и СПб., 1895).

²² РО ГБЛ, ф. 386, к. 2, ед. хр. 22, л. 35 об.—36 об.

²³ РО ГБЛ, ф. 386, к. 3, ед. хр. 3, л. 2.

²⁴ РО ГБЛ, ф. 386, к. 2, ед. хр. 22, л. 36.

²⁵ Ср. запись: «Не удивит<ельно>, что Сол<о>в<ьев>, философ по ир<и>зв<а>ни<ю>, внес в свою поэзию много филос<офских> мотивов, но удив<ляет?> то, что <он> перешел гран<ь?> между поэзией и философией, на которой не раз спотыка<лся> н<а>пр<имер> Барат<ынский>, да Фет в своих quasi-Шопенгауэровских стихотворениях» (там же).

1895 г.)²⁶ и других набросках эта мысль получила дополнительное развитие.

В сущности, Брюсов полагал, что русской поэзии мало удалась настоящая философская лирика. Брюсов не делал исключения ни для Баратынского, ни для Фета, ни для Тютчева, которые при самой высокой аттестации их поэтических достоинств оставались для него «философствующими» поэтами.²⁷ Соловьев же являл собою эталон поэта-философа, давшего русской поэзии оригинальные образцы истинной философской лирики, проникнутой «единством духа», «цельным и чистым мирозерцанием». «Эта привычка к философскому мышлению, взгляд на мир, озаренный единым мирозерцанием, — дает ему отличие от Фета, а в известной области и преимущество не только над ним, но и над Тютчевым.»²⁸ — записывает Брюсов в декабре 1895 г., по-прежнему, однако, не удовлетворяясь формой произведений Соловьева, ее непритязательностью и некоторым «дилетантизмом».

В целом, понимание поэтического творчества Вл. Соловьева Брюсов считал невозможным без осмысления его мироощущения, наиболее существенные черты которого он и пытался воссоздать, анализируя поэзию Соловьева и минуя философско-эстетические и теологические труды последнего, которые в 1895 г., вероятно, были ему еще неизвестны.²⁹

Особое внимание Брюсов уделил пантеистическим мотивам поэзии Вл. Соловьева, в частности, разработке темы смерти, которая, по Брюсову, рисовалась Соловьевым «то как пантеистическое слияние с Богом, то как продолжение индивидуального существования», а также мотивам тоски личности, «прикованной к земной пыли» и ощущающей свои связи с «нездешним», па неземному высокому идеалу: «Поэт не может даже представить себе, чтобы душа совершенно забыла свою отчизну, — он верит, что она незримыми цепями прикована к нездешним берегам, что везде, под личиной вещества можно уловить божественный огонь».³⁰

Наблюдения Брюсова сохранили для него актуальность и на рубеже веков: в статье «Поэзия Владимира Соловьева» он развил ряд положений ранних набросков и подвел итог своих размышлений над лирикой Вл. Соловьева. Статья была написана

²⁶ РО ГБЛ, ф. 386, к. 3, ед. хр. 3, л. 2—6 об.

²⁷ Письма В. Я. Брюсова к П. П. Перцову. 1894—1896 гг. К истории раннего символизма. М., 1927, с. 38.

²⁸ РО ГБЛ, ф. 386, к. 3, ед. хр. 3, л. 2 об.

²⁹ Достоверно известно, что Брюсов знал статью Соловьева «Поэзия Ф. И. Тютчева» (1895), выписка из которой, касающаяся сущности искусства, сделана в 1895 г. (РО ГБЛ, ф. 386, к. 3, ед. хр. 3, л. 57).

³⁰ РО ГБЛ, ф. 386, к. 3, ед. хр. 3, л. 3 об. Ср. также: к. 3, ед. хр. 3, л. 5 и 23 об; к. 2, ед. хр. 22, л. 37—38 и др.

сразу после внезапной, поразившей современников смерти философа, которую в обзоре русской литературы для журнала «Athenaeum» Брюсов объявил огромной потерей для русской культуры.³¹

Поэзия Вл. Соловьева, оцененная как значительное явление русской культуры, вновь соотнесена с поэтической традицией Фета и Тютчева, органическим продолжателем которой он и был признан. Однако следует иметь в виду, что в конце 1890-х гг. с именами Тютчева и Фета в сознании Брюсова уже было связано представление об особом роде поэзии, т. н. «лирике», противопоставленной собственно «поэзии». Представление о «лирике» было для него связано в отечественной традиции с именами Фета и Тютчева, к которым Брюсов, работая над статьей, подключил и имя Вл. Соловьева, в зарубежной — с именами Э. По, Метерлинка, Эсхила.

«Лирика» была для Брюсова тем родом поэзии, который «беспрестанно порывается от зримого и внешнего к сверхчувственному», видит свой объект в «темных, загадочных глубинах человеческого духа», в «смутных ощущениях», переживаемых «за пределами сознания»,³² и, таким образом, является традицией, подготавливающей символизм. «Поэзия» же (Пушкин, А. Толстой, А. Майков, Шекспир), по Брюсову, изображала умопостигаемое, доступное «ясному сознанию», описывала внешнее, почерпнутое вне себя. При таком подходе включенность Вл. Соловьева в первый ряд имела особый смысл: Вл. Соловьев оказывался «случайным» врагом декадентства и его «предтечей».

Значительная часть статьи была посвящена взглядам Вл. Соловьева, которого Брюсов считал «апологетом христианства», составляющего источник его философского и поэтического откровения. Брюсовым была отмечена существенная черта соловьевского дуалистического мирозерцания — представление о человеческой судьбе, погруженной в мир «земного» бытия, но стремящейся к обретению идеально-духовной сферы, и его мысль о «полноте бытия», которое дано личности и не исчерпывается границами ее земного существования, ее смертью. Констатируя наличие «двоемирия» в соловьевской поэзии, Брюсов писал, что человеческая душа у Вл. Соловьева отмечена одновременной принадлежностью обоим мирам, и, являясь частью «земного» мира, человек («невольник суетного мира», пленник «жизни тленной», «бескрылый дух», томящийся на земле), постоянно порывается к своей «вечной отчизне».³³

³¹ Briusov Valerii. Russian Literature. — Athenaeum, 1901, July 20 N 3847, p. 85.

³² Брюсов В. Поэзия Владимира Соловьева, с. 547.

³³ Там же, с. 548—550.

Частные наблюдения Брюсова оказались однако тоньше названной схемы. Так, он в сущности обратил внимание на «платоновское» начало в соловьевской антитезе «земное» и «небесное», в которой земное есть лишь ответ, отзвук мира идей. Параллельно был обнаружен и другой подход к решению проблемы «земное» — «небесное» у Соловьева: мир материального у него скрывает «огонь божественный», и «земное» оказывается «ступенью к более высокому», ибо содержит в себе духовное начало: «И Вл. Соловьев, — пишет Брюсов, — не стыдится назвать землю *владычицею*, потому что в проявлениях ее жизни угадывает он «трепет жизни мировой»». ³⁴ Брюсов фактически указал на важную черту соловьевского творчества — стремление к «синтезу» духовного и эмпирического начал.

Те же закономерности были отмечены и в интимной лирике Соловьева, в которой, по Брюсову, «чистая», «нездешняя» любовь противопоставлена чувственной любви, страсти, как проявлению «злой жизни». Соловьев оказывался певцом мистических «встреч в безбрежности лазурной», «незримых свиданий», высокого мистического идеала Вечной Женственности, призванной спасти мир. ³⁵ Вместе с тем Брюсов ощущал в его поэзии и тенденцию к слиянию тем поклонения высокому мистическому идеалу Вечной Женственности и «земных» чувств, «земных образов» с «неземным началом», ³⁶ видя, таким образом, в идеале «вечноженственного» определенную близость к земным страстям и отказ от «аскетических» решений темы.

Философские взгляды Соловьева и его поэтическое творчество рассматриваются Брюсовым как некий монолит, обладающий при всей своей противоречивости и внутренней сложности статичностью и законченностью и лишенный сколько-нибудь заметной эволюции: Брюсов не различает раннего Соловьева и Соловьева конца 1880-х — начала 1890-х гг., не замечает и перелома, происшедшего в середине последнего десятилетия жизни философа. При этом большинство наблюдений столь точны, что от них трудно отказаться современному исследователю.

Следует вместе с тем отметить, что Брюсов, высоко ценивший различные стороны жизнедеятельности Вл. Соловьева, тем не менее в 1890-е гг. был далек от того культа философа и поклонения ему, которое сложилось в кругу «младших» символистов, для которых Соловьев предстал в облици пророка, ощущающего глубинный кризис мира. Идеи «вселенской» церкви, утопия

³⁴ Брюсов В. Поэзия Владимира Соловьева, с. 549. Стихотворение Соловьева «Земля-владычица! К тебе чело склонил я...» полностью отчеркнута Брюсовым при чтении (РО ГБЛ, ф. 386, Библиотека, ед. хр. 116, с. 38).

³⁵ Брюсов писал, что стихотворения порой приобретают характер «гимнов Богоматери», которую Соловьев прославляет под именем Девы Радужных Ворот. См.: Briusov Valerii. Russian Literature, Athenaeum, 1901, July 20, N 3847, p. 85.

³⁶ Брюсов В. Поэзия Владимира Соловьева.

спасения человечества и вся «эсхатология» Вл. Соловьева вообще в этот период, вероятно, прошли мимо Брюсова как не имеющие точек соприкосновения с его собственным мирозерцанием. Сказанное не означает, что Брюсов был равнодушен к его концепциям или не ориентировался в них. Записи свидетельствуют, что во второй половине 1890-х гг. Брюсов интересовался эстетикой Соловьева, его теоретическими трудами и к началу 1900-х гг. был знаком с основным корпусом его работ.³⁷ Однако отношение Брюсова к идеям Вл. Соловьева было достаточно сложным.

Встречающиеся в переписке Брюсова 1890-х гг., в черновых вариантах статей, различных записях, в канонических текстах программных для рубежа веков произведений («Ко всем, кто ищет», «Истины. Начала и намеки», «Ответ г. Андреевскому») беглые или развернутые высказывания о философии Вл. Соловьева, отличаются неоднородностью и двойственностью. Можно, пожалуй, говорить о том, что замечания Брюсова второй половины 1890-х гг. имеют преимущественно полемический характер. Так, чужда Брюсову была этика Вл. Соловьева, предполагавшая самоотречение личности, житие «жизнью целого». Безусловное начало нравственности, по Соловьеву, состояло в «полном участии в деле своего и общего совершенствования ради окончательного откровения Царства Божия в мире».³⁸ С этой точки, зрения Соловьев не принимал индивидуализм, утверждая невозможность последовательного утверждения своей «отдельности» в человеческом сообществе, и расценивал его как обеднение личности, утрачивающей «полноту бытия» и «совершенство».³⁹ Брюсов же, во второй половине девяностых годов выступавший за утверждение сильной индивидуальности, «обособленной» от других человеческих существ, наделенной «абсолютной» свободой воли и свободой творчества, не мог видеть в Соловьеве единомышленника. Он, в частности, не принял идей работы Вл. Соловьева «Первое начало теоретической философии», в которой Соловьев подвергал сомнению исходный пункт философии Декарта — *cogito ergo sum* — как основу теоретических рассуждений и утверждал невозможность из факта «наличности» сознания «прямо заключать о подлинной реальности сознающего субъекта».⁴⁰ Для Брюсова же, в отличие от Вл. Соловьева, важны были не столько теоретические «тонкости» проблемы, сколько «прагматические» ее следствия. Остро ощущаемая Брюсовым

³⁷ Брюсов В. Дневники, с. 33; РО ГБЛ, ф. 386, к. 1, ед. хр. 15/1—2, л. 8 об.; к. 3, ед. хр. 3, л. 57; к. 3, ед. хр. 13, л. 20 и др.

³⁸ Соловьев Вл. С. Собр. соч., т. 6, с. 189.

³⁹ Соловьев Вл. С. Собр. соч. СПб., <б. г.>, т. 7, с. 215—216,

⁴⁰ Соловьев Вл. С. Собр. соч. СПб., <б. г.>, т. 8, с. 165 (Выделено Вл. Соловьевым — С. К.). Брюсов познакомился с первыми главами работы до публикации в журнале «Вопросы философии и психологии», 1897, № 40(5), с. 867-915.

необходимость сохранить уверенность в достоверности своего «я» как индивидуальности, как «абсолютного», «отдельного» от других существа с «неподменяемым» сознанием и побуждает его полемизировать с Соловьевым, искать его «ошибки» и просчеты.⁴¹

Отличалось сложностью в этот период и отношение Брюсова к эстетике Вл. Соловьева. Как известно, эстетика последнего, неразрывно связанная с представлением о гармонии как реализации, «синтезе» идеалов Истины, Добра и Красоты, выдвигающая идею теургической миссии искусства как преобразования действительности Красотой, посредством которой и через которую осуществляется служение художника истине и добру, была чрезвычайно важна для «младших» символистов.⁴² В сознании «младших» присутствовала постоянная соотношенность категории красоты с гносеологическими и особенно со столь важными для Соловьева нравственными проблемами бытия: Красота осознавалась как основной, но не единственный компонент, без которого неосуществима гармония.⁴³ Эти идеи широко отразились и в лирике философа, и Брюсов сам отмечал соловьевские «предчувствия» о победе светлых начал добра как своеобразнейшую черту его поэзии. Однако для него самого соловьевский «этический» пафос был, вероятно, чужд: апология бесцельной, самодовлеющей красоты составляла одну из существенных черт ранней брюсовской эстетической программы. В 1890-е гг. он не раз выступал с высказываниями прямо противоположными соловьевским. Так, по воспоминаниям И. Н. Розанова, в одном из споров в 1897 г. Брюсов говорил: «Цель поэзии возбуждать настроение, а никак не чувство добра. — Вы твердо убеждены, что добро действительно существует?...»⁴⁴

Здесь уместно напомнить о плюралистических установках раннего Брюсова. Плюрализм, вообще легко и органично сочетающийся с этическим релятивизмом, мог легко принимать форму декадентской эстетизации зла. Не случайно тезис о равносильности добра и зла был введен Брюсовым в план замысла «Философских опытов», куда, кстати, предполагалось ввести и главку о Вл. Соловьеве,⁴⁵ а идея равноценности добра и зла декларировалась в ряде стихотворений («Ученый», «Скала к ска-

⁴¹ Подробнее о восприятии идей Вл. Соловьева, изложенных в данной работе, см.: Кульюс С. К. Основания всякой метафизики В. Я. Брюсова (опыт реконструкции). — Учен. зап. ТГУ, вып. 653. Тарту, 1983, с. 113—128.

⁴² См. об этом: Минц З. Г. Блок и русский символизм. — В кн.: Александр Блок. Новые материалы и исследования. М., 1980, кн. 1.

⁴³ Ср.: «Красота нужна для исполнения добра в материальном мире, только ею просветляется и укрощается недобрая тьма этого мира» (Соловьев Вл. С. Собр. соч., т. 6, с. 71). Ср. концепцию стихотворения «Три подвига», где один из подвигов художника — победа над злом.

⁴⁴ Розанов И. Н. (Встречи с Брюсовым). — В кн.: Валерий Брюсов. М., 1976 (Лит. наследство, т. 85), с. 763.

⁴⁵ РО ГБЛ, ф. 386, к. 3, ед. хр. 18, л. 2 об. (1898 г.).

ле; безмолвие пустыни» — 1895). Каковы бы ни были истоки мотива «братства» добра и зла, идеи их равноценности, они, безусловно, противоположны по своей направленности тем задачам нравственного порядка, которые, по Соловьеву, стоят перед искусством. Но вместе с тем, брюсовский «плюрализм», оказавшийся философским обоснованием его «протеизма», и мечта о личности, в которой «гаснут» все противоречия,⁴⁶ вполне могут рассматриваться как своеобразное понимание Брюсовым того «синтеза», которому следовало большинство символистов вслед за Соловьевым: представление о некоем единстве, не исключаящем сложного состава противоречащих друг другу компонентов (в данном случае в «пределах» личности). В этом плане брюсовский «протеизм» не только субъективизм, но и итог воздействия идей «синтеза», итог этот, впрочем, мог оборачиваться и эклектикой.

Далеко не все стороны мировоззрения и философии Вл. Соловьева были приемлемы для Брюсова. Проповедуемый Брюсовым плюрализм приводил его к необходимости признания объективности и равноценности любого начала, ибо плюрализм подразумевал отрицание какой-либо одной незыблемой истины. Перенесение этой идеи на сферу человеческих отношений заставляло Брюсова видеть безусловную ценность не только в собственной личности, но и в *любой другой*. Вероятно, именно здесь истоки «антинищенского» пафоса некоторых его афоризмов в подготовительных материалах трактата «О искусстве» (1899). В противовес нищенским идеям сверхчеловека, противопоставленного «больному» человеку, Брюсов провозгласил: «Душа самого презренного из людей столь же божественна, как душа пророка».⁴⁷ Подобное отношение к «антидемократизму» Ницше сближало его с Вл. Соловьевым, который именно презрение к человечеству считал «дурной стороной нищенства».⁴⁸ Однако сказанное относится, очевидно, лишь к периоду рубежа веков, когда вообще наметился большой перелом в творческой позиции Брюсова, выразившийся в стремлении к преодолению крайнего индивидуализма 1890-х гг., в движении от «*Me eum esse*» к «*Tertia Vigilia*» и «*Urbi et Orbi*», с их многообразием земного, реального, с отказом от многих «заветов» прошлого. Именно тогда знаменитый завет «юному поэту» — «Не живи настоящим» — неожиданно сменился на «Странно и сладко жить настоящим»; завет быть «чуждым тревогам вселенной» — интересом ко всему земному; пафос бесстрастия — пафосом страсти. Начали подвергаться осмыслению идеи «бесцельной любви к искусству», идеи «чистого искусства». В программном трактате «О искусстве»

⁴⁶ Брюсов В. Собр. соч., т. 6, с. 581.

⁴⁷ РО ГБЛ, ф. 386, к. 52, ед. хр. 12, л. 13 об. (1899 г.).

⁴⁸ Соловьев Вл. С. Собр. соч. Спб., «б. г.», т. 8, с. 310—319.

появился афоризм: «В «искусстве для искусства» нет смысла»,⁴⁹ в предисловии к сборнику «Tertia Vigilia»: «Кумир Красоты столь же бездушен, как кумир Пользы».⁵⁰ Характерно, что Блок, процитировавший последний афоризм, ошибочно идентифицировал его с соловьевским высказыванием.⁵¹ Отказ Соловьева от «искусства для искусства» и утилитарного творчества подразумевал создание мистического искусства.⁵² И если согласие Брюсова с «негативной» частью эстетической программы Вл. Соловьева выразилось в афоризме, который Блок принял за соловьевский, то «позитивная» ее часть была иной: в 1890-е гг. Брюсов оставался чужд тем мистико-религиозным задачам, которые ставил перед «цельным» творчеством Соловьев. В противовес Соловьеву Брюсов был сторонником абсолютно свободного творчества, раскрепощенного от любых канонов и догм, в том числе и религиозно-мистических: «Художник самовластен и в форме своих произведений <...> и во всем объеме их содержания, кончая своим взглядом на мир, на добро и зло. Попытки установить в новой поэзии незыблемые идеалы и найти общие мерки для оценки — должны погубить ее смысл. То было бы лишь сменой одних уз на новые»,⁵³ — писал Брюсов в июле 1900 г.

Без преувеличения можно сказать, что в начале 1900-х гг. интерес Брюсова к личности и философии Вл. Соловьева заметно усиливается. Отчасти это было связано с внезапной смертью Соловьева, побудившей еще раз обратиться к его наследию. Сыграло роль и тесное соприкосновение Брюсова с кружком «аргонавтов», апокалиптическое миросозерцание которых оформилось под воздействием философии позднего Соловьева, а также общения с окружением Вл. Соловьева (Л. Лопатин, М. С. и О. М. Соловьевы, П. И. Бартенев и др.) Брюсов читает работы философа, оставляя пометы на страницах различных его трудов и третьего издания «Стихотворений Владимира Соловьева» (1900),⁵⁴ упоминает его имя в письмах и статьях. Все это — свидетельство интереса, не исчерпанного 1890-ми гг. Более того, оценки философии и мировоззрения Вл. Соловьева в 1900-м и последующие годы заметно «теплеют», Брюсов все чаще солидаризируется с Соловьевым. Прежде всего импонирует Брюсову в этот период отношение Вл. Соловьева к позитивизму. Позитивизм объявлен Брюсо-

⁴⁹ Брюсов В. Собр. соч., т. 6, с. 46.

⁵⁰ Брюсов В. Собр. соч., т. 6, с. 589.

⁵¹ Блок А. Собр. соч. М.-Л., 1962, т. 5, с. 716.

⁵² См.: Соловьев Вл. С. Собр. соч. СПб., «б. г.», т. 1, с. 255—260.

⁵³ Брюсов В. Собр. соч. М., 1973, т. 1, с. 589.

⁵⁴ См. хотя бы: РО ГБЛ, ф. 386, к. 117. Пометы и подчеркивания в книге: Соловьев Вл. С. Собр. соч. СПб., 1903, т. 8, а также ф. 386, к. 116. Пометы и подчеркивания в книге: «Стихотворения Владимира Соловьева». СПб., 1900.

вым вчерашним словом философии, а позитивная наука — низведенной с «неправо занятого трона».⁵⁵ Подобное отрицание позитивизма связано, конечно, прежде всего с общим кризисом позитивизма в философии и науке и глубокой убежденностью Брюсова, что переживаемое время рубежа веков — время «порывания» к непознаваемому, «запредельному», «тайному», в возможность познания которого Брюсов страстно верил. Позитивизм, с его точки зрения, был учением, которое признавало познаваемым только «феноменальный» мир.⁵⁶ Брюсов же жаждет найти способы проникновения в «ноуменальное»: и трактат «О искусстве», и программная статья «Истины. Начала и намеки» проникнуты пафосом постижения сущностей. Именно с этих позиций Брюсов не принимал и теории познания Канта. Бунт против тупика, в который заводит агностицизм Канта, без сомнения, сближает Брюсова с Вл. Соловьевым, который отрицал возможность последовательного («безусловного») скептицизма и считал, что между явлением и «вещью в себе» возможно «общение», а следовательно, возможно и познание сущего.⁵⁷

В ряде случаев наблюдается полная смена оценок различных сторон взглядов Вл. Соловьева. Так, если в 1897 г. Брюсов, полемизируя с идеями статьи «Первое начало теоретической философии», упрекал Вл. Соловьева во внимании к личности лишь в «бодрствующем» состоянии и в неучтенности ее ощущений в состоянии гипноза, раздвоения, сновидения и т. д., а также в равнодушии к успехам оккультизма и медиумизма, то в 1901 г. он назвал имя Соловьева среди имен тех, кто не презрел спиритизм и медиумизм.⁵⁸

В 1897 г., во время негласной «полемики» с Вл. Соловьевым, весь пафос Брюсова был направлен на сохранение представления о достоверности «я», а общая теоретическая проблема различения «кажущегося» и «реального», поставленная Вл. Соловьевым в упомянутой выше работе, была на периферии брюсовского внимания и интересов.⁵⁹ В начале же XX века именно мысль о неразличении «реального» и «кажущегося», «сна» и «яви» легла в основу концепции сборника «Земная ось».⁶⁰

И, наконец, в черновых набросках по философии в 1890-е гг. Брюсов сделал запись: «Вл. Соловьев» и Метерлинк воображали, что материализм отжил. Нет. Как вечный тип человек-

⁵⁵ Брюсов В. Ко всем, кто ищет. Как предисловие. — В кн.: А. Л. Миропольский. «Лествица». Поэма в VII главах. М., 1903, с. 9.

⁵⁶ Брюсов В. Ответ г. Андреевскому. — Мир искусства, 1901, № 5, с. 239.

⁵⁷ Соловьев Вл. С. Собр. соч. СПб., «б. г.», т. 2, с. 341—344.

⁵⁸ Брюсов В. Ко всем, кто ищет..., с. 9.

⁵⁹ Брюсов, в частности, писал тогда: «Пусть перед Вл. Соловьевым» вечно носится проблема различения реального от кажущегося. Забудем это...» (РО ГБЛ, ф. 386, к. 3, ед. хр. 14, л. 24 об.).

⁶⁰ Брюсов В. Земная ось. Рассказы и драматические сцены. М., 1911, VI I.

ской> мысли он вечен, т. е. будет существ<о>в<ать> пока будет существовать человеческая мысль».⁶¹ А в 1901 г. Брюсов утверждает, что человечество вышло из состояния «философского младенчества»; ему представляется безусловным и очевидным факт «падения теоретического материализма» и торжества идеализма в философии и литературе. Красноречивее всего в этих высказываниях прямая ссылка на «Повесть об Антихристе» Вл. Соловьева⁶², где также заметно парадоксальное соединение резкой критики материального мира и тонкого ощущения подземных толчков истории.

В 1900—1901 гг. Брюсов вообще близок к тому, чтобы назвать Вл. Соловьева учителем. Заканчивая статью «Поэзия Владимира Соловьева», Брюсов говорил о нем именно как об «учителе», к «властному голосу» которого прислушивались современники. Финальные строки статьи невольно вызывают в памяти строку «И вот теперь встаешь, как Властный, как «Учитель» из стихотворения «К портрету Лейбница», посвященного любимому философу Брюсова во второй половине 1890-х гг. Использование Брюсовым тех же характеристик применительно к Вл. Соловьеву крайне выразительно.

Конечно, взгляды Брюсова, с самого начала 1890-х гг. стремившегося к утверждению «своей» линии в символизме с ее декларативной установкой на абсолютную новизну и самодовлеющую ценность эстетического, протеизмом и апологией свободного творчества составляли прямую антитезу целостной соловьевской концепции. Тем интереснее, что еще в середине девяностых годов, значительно раньше «младших» символистов, Брюсов увидел в Соловьеве близкого к символизму поэта, а на рубеже веков признал значимость для символизма его идей. На рубеже веков обнаружилась и близость ряда философских установок Брюсова к идеям Вл. Соловьева, хотя эта «близость» была, в сущности совпадением лишь некоторых, чаще всего не ключевых моментов философии и мировоззрения Брюсова и Соловьева. Но даже эти соприкосновения с различными сторонами философско-эстетической программы Соловьева послужили, вероятно, одним из путей сближения «линии» Брюсова в символизме с той второй его тенденцией, которая подготавливала «младший» символизм, а также сближения Брюсова с «младшим» символизмом. Однако это сближение оказалось симптоматично кратковременным, обнажившим глубинное расхождение между установками Брюсова и программой «младших» символистов. Сложным и кратковременным оказалось и сотрудничество Брюсова в жур-

⁶¹ (Выделено Брюсовым — С. К.) См.: РО ГБЛ, ф. 386, к. 52, ед. хр. 17, л. 4—4 об.

⁶² См.: Брюсов В. Ответ г. Андреевскому, с. 241. Ср. подчеркивания в кн.: Соловьев Вл. С. Собр. соч. СПб., 1903, т. 8, с. 406. (РО ГБЛ, ф. 386, к. 117).

нале «Новый путь». Этот эпизод в творческой эволюции Брюсова и шире — в истории символизма вообще — недостаточно прояснен до сих пор. Вероятно, имели место не только тенденция к некоторому сближению Брюсова (не без влияния Соловьева) с линией «младших» символистов и его тяготение к некоторым сторонам их программы, но и обратный процесс — колебания «младших» символистов в сторону брюсовской, «декадентской» линии с ее апологией абсолютной свободы творчества и «протезизмом». Однако этот вопрос, равно как и уточнение литературно-эстетической позиции Брюсова на заре 1900-х гг., сложно, с моментами притяжения и отталкивания, соотносившейся с художественной практикой «младших» символистов — еще ждет специального и скрупулезного исследования.